

От редколлегии

Представленные в настоящем сборнике статьи видного филолога-германиста, ученого и педагога Владимира Михайловича Павлова (Одесса, 29 ноября 1925 — Вальдорф, 12 декабря 2011), стоявшего, наряду с А. А. Леонтьевым, также у истоков отечественной психолингвистики или теории речевой деятельности, с которой она отождествлялась¹, составляют важную веху в истории отечественного языкознания. Включенные в сборник исследования в основном написаны после 2000 года и частично (четыре работы из двенадцати) опубликованы в изданиях, не всегда доступных читателю.

Научное наследие В. М. Павлова не утратило своей значимости ни для истории и теории немецкого языка, ни для размышлений над общелингвистической проблематикой. Особенно продуктивными представляются продуманный на материале немецкой лексики и синтаксиса подход к анализу явлений языка в их речемыслительной динамике — в качестве процесса и результата высказывания, убежденность Павлова в принципиальном единстве дефиниций «язык» и «речь»² (они различаются лишь как преимущественно социальный и сугубо

---

¹ Ср.: Теория речевой деятельности (Проблемы психолингвистики) / Отв. ред. А. А. Леонтьев. М.: «Наука», 1968. В. М. Павлову в этой коллективной монографии принадлежит раздел, посвященный языковой способности человека (с. 36–68).

² В связи с этими понятиями Павлов полемизирует с Ф. де Соссюром, которому приписывает структуралистское (послесоссюровское) стремление к строгому их разграничению.

индивидуальный аспекты речевой деятельности), а также понимание Павловым психолингвистики в качестве составной части единой теории языка¹.

Научные принципы и исследовательскую методологию, которые разделял и развивал В. М. Павлов, отнюдь нельзя назвать тривиальными². Их отправной точкой была философская проблема соотношения *языка и мышления*, а также соотношения *системы, нормы и истории*. Их рассмотрение, естественно, опиралось на труды В. фон Гумбольдта, Г. Пауля, Ф. де Соссюра, Ш. Балли, А. А. Потебни, И. А. Бодуэна де Куртене, А. А. Шахматова, Л. В. Щербы, Л. С. Выготского. Из современников более других Павлов ценил и убедительно рекомендовал и ученикам, и коллегам обобщающие исследования А. Р. Лурия, Б. М. Кедрова и Г. П. Щедровицкого, с которым был лично знаком.

Первая монография «Развитие определительного сложного существительного в немецком языке» (1950)³, подготовленная под руководством и опубликованная не без помощи В. Г. Адмони⁴, была посвящена особенностям образования композитов с первым компонентом-существительным. Второй опубликованный труд, написанный в соавторстве с О. П. Орловой и Е. Е. Шавель⁵, стал одним из самых востребованных учебников

¹ Ср., например, статьи В. М. Павлова «В защиту „психологизма“ в языкознании» и «Памяти Л. В. Сахарного» (в наст. изд.).

² О научной установке и методологических принципах В. М. Павлова см. статью А. В. Павловой в наст. изд. В 60-х — 70-х годах Павлов руководил так называемым методологическим семинаром, предназначавшимся для приобщения к философии аспирантов ЛО ИЯ АН СССР (ныне ИЛИ РАН). В архиве Павлова сохранилась неопубликованная рукопись «Онтология языка и формирование лексической системы» (более 300 машинописных стр.).

³ См. в конце данного раздела «Список научных трудов В. М. Павлова» (публикации следуют в хронологическом порядке).

⁴ Некоторые «внешние» аспекты своей научной биографии и жизненных обстоятельств В. М. Павлов приводит в завершающих настоящих сборник памятных «заметках» (2006—2007 гг.).

⁵ Елена Ефремовна Шавель (1908—1984), филолог, преподаватель немецкого и английского языков, выпускница Петришуле 1925 года.

немецкого языка (1962). Он выдержал еще три переработанных и дополненных издания (в 1966, 1971 и 1980 г.) — последнее из них обновлено В. М. Павловым вместе с Ольгой Павловной Орловой более чем наполовину.

В следующих книгах — «Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования», «Полевые структуры в строе языка» (1996) и «Противоречия семантической структуры безличных предложений в русском языке». Как можно заметить, В. М. Павлов помещает излюбленную им тему «немецкое словообразование» в более обширный *надуровневый* и *общеязыковой* контекст, который может быть обозначен как *теория знака и значения*. В таком ракурсе словообразование, не утрачивая своей «морфологической» привязки к материальной фактуре знака, одновременно предстает как явление «идеальное», затрагивающее в этом качестве смыслообразование, то есть относящееся к области столь привлекавшей автора речемыслительной деятельности.

Все исследуемые им явления языка В. М. Павлов, как было отмечено выше, неизменно рассматривал в их динамике и соотносил — не без основания — с личностными осмыслениями того или иного аспекта высказывания, то есть с процессами, происходящими *как бы интенционально* — в голове говорящего.

Из-за пусть и очень короткого пребывания весной 1945 г. в немецком плену, откуда, к тому же, бежал, а еще более в силу «как-бы-чего-не-вышло» партийных карьеристов, беспартийный В. М. Павлов был, разумеется, «невъездным»¹. Все же ему посчастливилось не только добиться, но с удовлетворением удостовериться в научном признании своих трудов как на родине, так и в Германии. Особенно гордился Павлов рецензиями немецких коллег, отметившими новизну трактовки им проблемы словообразования².

---

¹ См. воспоминания В. М. Павлова «Завещаю внукам продолжить» (в наст. изд.).

² На немецком языке опубликованы книги В. М. Павлова: «Именные композиты в немецком как синтаксическая проблема» (Мюнхен, 1972), «О формировании нормы немецкого литературного языка в

Не менее примечательным, чем динамическое сопряжение синхронии и диахронии, лексики и синтаксиса, деонтической (строгой или ценностной, то есть «литературной») и естественной (обиходной и индивидуальной) норм языка, видимой «техники» (морфологии и синтаксиса) высказывания и *мыслимых* смыслов, является и то постоянное внимание, которое В. М. Павлов уделял личности языковедов. Не только «классикам» науки¹, но и современникам, у которых учился и вместе с которыми трудился «на службе у слова», с кем дружил, советовался, спорил.

Напомним о неоднократном обращении В. М. Павлова к трудам и памяти В. Г. Адмони², о его вкладе в издание объемистого тома из неопубликованного научного наследия С. Д. Кацнельсона (2001), о редактировании им книги В. А. Михайлова (1992)³, о статьях в сборниках памяти А. В. Десницкой (2002), Л. В. Сахарного (2006), А. А. Леонтьева (2008)¹.

области словообразования...» (Берлин, 1983), «Склонение существительных в немецком языке: Синхрония и Диахрония» (Франкфурт-на-Майне, 1995) и «Немецкое словообразование в напряжении между лексикой и синтаксисом: Синхрония и диахрония» (Франкфурт-на-Майне и др., 2008). Ср. рец.: *Lippold 1977; Durrell 1997* (см. в «Списке работ...» раздел «Литература о В. М. Павлове».

¹ Статьи о Л. Вейсгербере (1965), В. фон Гумбольдте (1967), Я. Гримме (1985), перевод книги В. Порцига (1964 —совместно с Л. Ю. Брауде; переизд.: 2002).

² Статьи (1994, 1999, 2000, 2001), как и подготовленный по инициативе В. М. Павлова и тщательно отредактированный им вместе с О. Райхманном сборник: *Admoni W. Sprachtheorie und deutsche Grammatik. Aufsätze aus den Jahren 1949—1975. Tübingen, 2002.*

³ В беседе с одним из участников указанного и данного издания В. М. Павлов вспоминал, как будучи у Владимира Александровича Михайлова (1936—1991) на отдыхе в его родной деревне Горка (Любыгинский р-н Новгородской обл.), он просто отбирал у него исписанные листы бумаги, стремясь пресечь бесконечные доработки и добиться завершения книги. Оставшаяся после кончины автора рукопись потребовала немалых организационных и редакторских усилий, прежде чем появиться из печати. В. М. Павлов исписал сотни полторы страниц, на которых пунктуально изложил свои замечания к корректуре двухсотстраничной книги Михайлова, чем очень впечатлил ее

Можно судить о В. М. Павлове как филологе, педагоге и человеке по опубликованным им трудам и отзывам на его книги, по статьям его друга В. П. Беркова и дочери А. В. Павловой, по краткому предисловию в книге, посвященной пятидесятилетию научной деятельности ученого², и по написанной специально для этого издания статье его ученика Б. Р. Ризаева.

* * *

Мы сочли целесообразным воспроизвести во вводном разделе к настоящему сборнику ранее публиковавшиеся статьи В. П. Беркова и А. В. Павловой, а также несколько дополненную библиографию трудов В. М. Павлова. Его статьи, предназначавшиеся для разных изданий со своими требованиями к оформлению публикаций, приводятся в том виде, который был придан им автором, без унификации библиографических отсылок и характера примечаний. За очень редкими исключениями (в случае явных опечаток) сохранен и специфический авторский стиль с его сложным синтаксисом и пунктуацией.

Первый раздел книги, посвященный памяти ученого, и последний, принадлежащий ему, ближе к мемуарному жанру. В двух центральных разделах представлены статьи В. М. Павлова, в том числе написанные на немецком языке, отражающие два доминирующие в его научном наследии объекта внимания: *германскую филологию* и *общее языкознание*. Ряд статей публикуется впервые.

Раздел «Германская филология» включает следующие статьи: «О взаимодействии грамматических подсистем...» (1-я публ.: 2001), в которой типы сочетаний морфологических форм рассматриваются с учетом их семантических и структурных функций выявляемых в разных исторических срезах немецкого

издательского редактора В. В. Кострова, недавно вспомнившего об этом случае.

¹ Также см. статьи о В. фон Гумбольдте, В. Г. Адмони и Л. В. Сахарном в наст. изд.

² См. в наст. изд. библиографию трудов Павлова, раздел «Литература о В. М. Павлове».

языка; «Немецкие направительные наречия в неидиоматических сочетаниях с глаголами, в их напряжении между словообразованием и синтаксисом» (на нем. яз.; 1-я публ.: 2002)¹; «Раздельное и слитное написание в немецких текстах XX века» (на нем. яз.); «О развитии именных композитов в раннем новонемецком» (на нем. яз.; 1-я публ.: 2004).

Раздел «Общее языкознание» открывает статья, отражающая взгляды В. М. Павлова на проблему вычленения грамматической категории имени прилагательного в русском языке. В связи с этой проблемой акцентируются прежде всего промежуточные явления «в зонах стыков и переходов от класса к классу (от подкласса к подклассу) — вплоть до вхождения отдельных единиц одновременно в разноименные классы»². Во второй статье, посвященной типологии атрибутивных отношений в языке и ее полевой репрезентации, внимание автора (и читателей) направлено на поведение средств выражения *обобщенного предметно-относительного атрибута*, когда «и автономное существительное, атрибутивно подчиненное другому существительному, и субстантивное словосложение, и отсубстантивное относительное прилагательное» по сути равнозначимы в качестве *определяющего* к *определяемому* предмету мысли. В следующей статье рассматривается связь полевого подхода к анализу языкового материала и естественной классификации, так или иначе осуществляемой всеми говорящими на каком-либо языке. Замыкает раздел статья «В защиту “психологизма” в языкознании» (первая публ.: 2008), посвященная В. М. Павловым памяти А. А. Леонтьева.

Последний раздел «Personalia» охватывает статьи историографического и, как уже отмечалось, мемуарного харак-

---

¹ Ср. и раздел: «Вариативность соединений направительного наречия и глагола в немецком языке» в кн.: «Проблемы функциональной грамматики» под ред. А. В. Бондарко и С. А. Шубика (2003).

² В книге «Понятие лексемы...» (Л., 1985), в связи с атрибутивной функцией субстантивов В. М. Павлов обращается к широкой лингвистической типологии, не только отсылая, в частности, к изафетным конструкциям в тюркских и иранских языках, но и привлекая в этом контексте примеры из узбекского языка.

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

тера. История наук о языке представлена именем одного из самых ярких ее представителей — фон Гумбольдта, и отечественных языковедов, современников автора — В. Г. Адмони и Л. В. Сахарного.

Завершают сборник памятные заметки В. М. Павлова, посвященные истории семьи. По авторскому признанию, они написаны с «автобиографическим “флюсом”», но, пожалуй, и не без субстратного влияния «одесского языка», что контрастирует с непростым для восприятия научным стилем Павлова¹.

---

¹ См. статью В. П. Беркова в наст. изд.

Б. Х. Ризаев

О ВЛАДИМИРЕ МИХАЙЛОВИЧЕ ПАВЛОВЕ — МОЕМ УЧИТЕЛЕ

Ушел из жизни Мастер и Учитель. Ушел 12 декабря 2011 г. Его похоронили в Германии, в Гейдельберге, куда он переехал после ухода на пенсию в 1997 г. Я знал его с лета 1976 года и никогда не расставался с ним мысленно, ибо для меня он был моим духовным отцом.

Помню первую нашу встречу. Я поехал к нему в Ленинград, после того как в ответ на письмо своего бывшего ученика М. Ш. Маматова, рекомендовавшего меня В. М. Павлову как потенциального аспиранта, он написал, что «кота в мешке не покупает». Поехал к нему, чтобы получить его согласие быть моим научным руководителем и взять меня на стажировку. После полуторачасовой беседы в сквере, недалеко от Университетской набережной, он дал свое согласие. Аспирантуру, а потом и докторантуру, я проходил под его руководством. Всем тем, что я достиг в своей профессии, я обязан ему — он был моим Учителем.

Он был им для многих сотен школьников (когда работал школьным учителем в 1949—1955 годах), студентов, стажеров, аспирантов и докторантов. Его школу прошли 34 защитившихся кандидата и 5 докторов наук. А скольким он бескорыстно давал консультации, ценные высокопрофессиональные советы? А сколько учились по его учебникам, научным публикациям,

докладам на конференциях? Он читал свои лекции не только в России (Тула, Тамбов, Иркутск), но и в других регионах бывшего Союза — Вильнюс (Литва), Ереван (Армения), Самарканд, Ташкент (Узбекистан). Трое из кандидатов наук, прошедших «школу» Павлова — самаркандцы. Из 5 докторов наук, двое тоже из Самарканда.

В. М. Павлов неоднократно (в 1970, 1971, 1980, 1983 годах) читал лекции по немецкой филологии для студентов и преподавателей факультета иностранных языков Самаркандского государственного университета и принимал государственные экзамены, равно как и в Ташкентском государственном педагогическом институте.

Хотя непосредственно учениками В. М. Павлова из Самарканда были покойный профессор М. Ш. Маматов, доцент Х. Н. Нуруллаев и автор этих строк, уверен, что все те самаркандцы, которые прошли ленинградскую научную школу, с гордостью и с великим уважением назовут его своим Учителем. Научную связь с ним постоянно поддерживали и покойные профессора М. М. Нушаров, Х. А. Арзикулов, Б. Т. Турсунов и ныне здравствующие — Ш. С. Сафаров (ему в последнем своем письме ко мне от 7 августа 2011 г. В. М. Павлов просил передать привет и добрые пожелания), И. К. Мирзаев, А. Нурмухаммедов, О. Рахмонов, Р. Саттаров, А. М. Нарзикулов и др. Для всех он находил время, всем готов был помочь своими советами.

В. М. Павлов был на редкость благожелательным человеком. Чувство зависти было чуждо ему. Он всегда искренне радовался научным успехам самаркандских ученых. Он огорчался, если на государственных экзаменах студенты допускали какие-то типичные ошибки и непременно обсуждал их с преподавателями кафедры. Он был непримирим к верхоглядству и халтуре.

И я искренне горжусь тем, что мне выпала честь от имени всех его самаркандских учеников надеть узбекский халат на плечи В. М. Павлова в день его рождения (29 ноября 2007 года) на научной конференции в Санкт-Петербурге, посвященной 100-летию со дня рождения С. Д. Кацнельсона — узбекский халат как символ глубокого и искреннего уважения к Учителю и Мастеру.

В. М. Павлова как человека его близкий друг В. П. Берков характеризует кратко и просто: «Очень хороший человек» (Берков, 2005: 10). На первое место Берков ставит его «глубочайшую порядочность — и как человека, и как ученого».

Тридцать пять лет общения с В. М. Павловым дают мне право сказать вслед за проф. В. П. Берковым, что мой Учитель — это Человек, который создавал всегда «атмосферу добра, справедливости и честности». Вспоминается эпизод из аспирантской жизни. Командировка В. М. Павлова в Самарканд совпала с рождением моего ребенка и я, получив разрешение, решил поехать вместе с ним. Билеты на самолет покупал я. Когда же я вернул В. М. его паспорт, с вложенными билетом и его деньгами, то он совершенно спокойно, понимая мое состояние новоявленного папаша, вернув мне деньги, сказал: «Бахадыр, командировку оплачивает мне институт. Когда ты защитишься и захочешь пригласить меня в гости в Самарканд на какое-нибудь радостное событие, тогда другое дело».

К своим учителям В. М. Павлов «неизменно относился с пиететом и чувством глубокой благодарности» (Берков 2005:11). Может быть и поэтому, когда я бывал в Германии, независимо от того в какой ее точке (в Мюнхене, Тюбингене, Берлине или на берегу Северного моря у фризов), я всегда находил возможность посетить своего Учителя в Вальдорфе.

Тот факт, что В. М. Павлов, переехав в Германию, тут же стал заниматься переводом трудов В. Г. Адмони на немецкий язык и их изданием, говорит о его «бережно-любовном отношении к учителям, и прежде всего к В. Г. Адмони, почти восточное («учитель»)…» (Павлова 2007: 193).

Н. Л. Сухачев отмечает: «Возможно, многое в характере В. М., в его отношении к работе, коллегам, ученикам, можно было бы объяснить его педагогической одаренностью: личная ответственность за любое взятое на себя обязательство, тактичность, но и требовательность, стремление к доходчивости и логической выверенности мысли, но и постоянная неудовлетворенность сделанным. Такой же научной добросовестности он методически добивался от своих аспирантов и докторантов ...» (Сухачев 2007: 12).

О ВЛАДИМИРЕ МИХАЙЛОВИЧЕ ПАВЛОВЕ

Да, В. М. Павлов был очень строгим и требовательным к своим ученикам. Но он всегда был бескомпромиссно строг, прежде всего, к самому себе.

За строгой, если не сказать, порой суровой и суховатой внешностью В. М. Павлова, скрывалась трепетная душа. Он был очень сердечным и отзывчивым человеком. Он всегда готов был разделить как радость, так и горе своих близких, друзей, учеников. Когда Павлов, будучи на государственных экзаменах в Ташкентском педагогическом институте (30 декабря 1983 года), узнал о смерти моего отца (я был с ним в Ташкенте), он, несмотря на то, что должен был лететь в Ленинград, готов был отправиться со мной в Самарканд. Я отговорил его, зная, насколько тяжело и непривычно для европейца проходят у нас похороны. Вскоре пришло от него письмо, в котором он искренне сожалел о том, что не поехал на похороны моего отца.

Он был подлинным и искренним демократом «...демократизм моего отца», пишет А. В. Павлова «...такое же подлинное и искреннее проявление его личности, как и преданность лингвистике. Социальное происхождение, цвет кожи, акцент, разрез глаз и степень удаленности места рождения или проживания от столицы не имеют равным счетом никакого значения не декларативно и не на бумаге, а совершенно реально и, если обратить его внимание на эти обстоятельства как на какие-то имеющие значимость для чего бы то ни было обстоятельства, он Вас искренне не поймет» (Павлова 2007: 194).

В научном мире В. М. Павлов известен как «признанный филолог-германист и теоретик языка, талантливый педагог и строгий редактор, труженик и организатор науки» (Сухачев 2007: 9). В 1963—1974 годах В. М. был ученым секретарем ЛО ИЯ АН СССР (ныне ИЛИ РАН), затем старшим научным сотрудником и с 1979 г. ведущим сотрудником отдела теории грамматики, вплоть до ухода на пенсию в конце 1996 г. и переезда на постоянное жительство в г. Вальдорф близ Гейдельберга (в 1997 г.).

Исследования В. М. Павлова по словообразованию, морфологии и синтаксису немецкого языка получили заслуженное признание, как русских, так и германских лингвистов. Немалый

вклад внес он и в формирование психолингвистики в России, у истоков которой стоял вместе с А. А. Леонтьевым, а также в разработку общелингвистической и философской проблематики языкознания.

Вплоть до самой смерти В. М. Павлов, несмотря на возраст и тяжесть перенесенных им операций, продолжал бескорыстно и плодотворно трудиться, привычно публикуя статьи в изданиях ИЛИ РАН (и не только), выступая с докладами на институтских конференциях, для чего специально приходилось «вырываться» в любимый Ленинград — Санкт-Петербург или просто Питер, работая над переводом сборника сочинений по теоретической грамматике немецкого языка своего учителя — В. Г. Адмони, который и издал совместно с гейдельбергским профессором О. Райхманном в Тюбингене. За годы проживания в Германии им опубликовано около 30 работ, в том числе монография «Противоречия семантической структуры безличных предложений в русском языке». Последняя его работа, написанная по-немецки, посвящена проблеме, занимавшей филолога-германиста В. М. Павлова чуть ли не с его аспирантских лет — «Немецкое словообразование в напряжении между лексикой и синтаксисом» (“Deutsche Wortbildung im Spannungsfeld zwischen Lexikon und Syntax”, 2008).

Перечитываю его письма и в каждом нахожу подтверждение тому, что о нем сказано выше как о Человеке, неустанном труженике, ученом и великом Учителе.

Так, в письме от 4 января 1999 г. В. М. Павлов пишет: «... я в последние дни за компьютером (есть «заказы» из СПб на две статьи; в 1998-м вышли 4 статьи и — в конце июля — в СПб книга о безличных предложениях в русском; у меня раньше не было таких «урожайных» лет). На издание сб. статей Адмони (на нем. яз., в переводах) заключен договор с издательством Niemeyer (солиднее нет). Так что все идет своим чередом. Со здоровьем есть проблемы (или они иногда возникают), но об этом в эдаком новогоднем письме как-то не хочется. Обнимаю».

В каждом письме он обязательно сообщает о своей работе. А письмо от 3 марта 2001 года почти целиком посвящено работе: что запланировано, что в процессе подготовки, что уже завер-

шено, на каких конференциях намечено выступить с докладом и на какую тему. Он жил своей страстью к лингвистике: «Днем легче, и я предаюсь своему пристрастию к немецкой грамматике. Связи с Питером поддерживаются на прежнем уровне <...> Как раз сегодня я закончил работу в 50 печатных страниц для коллективного тома нашего сектора по проблемам морфологической и синтаксической вариативности, а завтра сяду за тезисы доклада на предстоящей в сентябре конференции по теории функциональной грамматики, которые разрешено довести до 10 страниц объема. Хочу все же обязательно приехать на это “мероприятие”. А заодно на конференцию, посвящаемую 110-летию В. М. Жирмунского <...> Затем еще одна статья, на этот раз по-немецки <...> Плюс приглашение со статьями в германистический ежегодник, который в Будапеште издает тамошний (очень знающий и энергичный) германист проф. Агель. Работенки хватает, но это и по мне».

О своих мучениях, перенесенных операциях и состоянии здоровья пишет неохотно («Тему “здоровье” разрабатывать не хочу. Жив – и ладно» — письмо от 14 декабря 2005 г.), только как о необходимости сообщить о своем состоянии своему ученику и другу. Я не оговорился «другу». Вот что пишет он в письме от 3 декабря 2006 г.: «Очень сожалею, что твои телефонные звонки, Бахадыр меня ни тут, ни там не застали, но твое доброе намерение поздравить учителя и друга с 81-летием все равно согревает душу». Восточному человеку, пусть даже культурному, образованному и ученому, трудно себе представить, что такая величина как В. М. Павлов может «снизойти» до того, чтобы назвать своего ученика, по возрасту годившему ему в сыновья, своим другом.

Может показаться, что я слишком много говорю о взаимоотношениях В. М. Павлова со мной. Но я убежден, что именно на примере отношения к конкретным и реальным людям (ученикам, коллегам, друзьям), к окружающему миру, к своей работе и можно выявить истинные черты характера конкретного человека.

В одном из моих учебных пособий, которое я ему послал, он, заметив кое-какие ошибки и опечатки, немедленно указал мне на них в письме. В следующем же письме, не дожидаясь моего

ответа, он заботливо, как бы извиняясь за свой прежний резковатый тон пишет: «...в своем письме я поблагодарил тебя за учебное пособие, но не мог не выразить своего расстройства по поводу пары сразу же замеченных мною языковых «странностей». Надеюсь, это не могло тебя обидеть — кто в них повинен, не знаю» (от 25 июля 2006 г.).

В. М. Павлов работал всю свою жизнь. Например, в своем последнем письме от 7 августа 2011 г. он сообщает: «Мимходом замечу, что пишу плохим почерком. Наверно, потому, что сейчас 4 часа ночи, а заснуть мне до сих пор не удается, мешает какое-то покалывание в ступнях ног, не дает погрузиться в сон». А в конце письма: «пишу я очередную статью». В другом письме: « А медицина снова потребовала свое, и мне пришлось на неделю лечь в больницу <...> А в перерыве (работ — Б. Р.) — регулярные поездки в Гейдельберг на перевязки. Вот в таком виде пребывает твой учитель в этой благословенной Германии. Но интересно, в каком бы виде я пребывал в это время в России, без немецкой медицины и немецкой системы здравоохранения?» (21 апреля 2006 г.).

Нет ни одного письма, в котором бы он не говорил о своей работе, вместе с тем в каждом письме чувствуется его чуткая, отзывчивая, добрая душа: «Только что закончил статью, предназначенную для сборника памяти старого друга, лидера отечественной психолингвистики Алексея Леонтьева <...> Статья получилась трудная, пришлось с А. Л. кое в чем полемизировать. Озаглавил: «В защиту «психологизма» в языкознании». Или же: «Сейчас мне нужно <...> написать статью в сборник, посвященный памяти Аллы Штерн и Леонида Сахарного, психолингвистов ЛГУ, моих друзей <...> Не участвовать в этом деле я просто не могу» (от 21 апреля 2006 г.).

В. М. Павлова как исследователя отличают следующие характерные для него черты: глубокий профессионализм в своей сфере деятельности; незатухающий интерес к общетеоретическим проблемам языкознания; органическое сочетание детального исследования языковых фактов и оригинальных общетеоретических выводов; интерес к исследованию родного языка; феноменальное трудолюбие. Говоря об этих чертах Павлова, В. Г. Берков также отмечает: «Серьезный и тонкий

исследователь В. М. никогда не чурался черновой работы» (см.: *Берков* 2005: 12). В связи с отмеченной выше характерной чертой В. М. Павлова хочу привести его слова из письма от 23 октября 2004 г.: «Я больше полугода занимался скучно-однообразной работой — обследовал 10-томный словарь (не выборочно, а сплошь!) с целью выявить разные статистические данные о распределении так наз. «Fugenlaute» в субстантивных композитах, всяких -s, -г, -е в конце первого члена. Надо использовать результаты в задуманной, но еще не начатой монографии (на немецком)».

Н. Н. Казанский и Е. Р. Крючкова упоминают «поразительную начитанность В. М. Павлова» и подчеркивают широту его взглядов (*Казанский...* 2007: 118).

В. А. Бондарко отмечает, что «Теория полевых структур играет важную роль в работах В. М. Павлова. В его книгах и статьях рассматриваются принципы “полевого подхода”, взаимосвязь языковых категорий, системные объединения языковых единиц, взаимодействие грамматических и лексических значений, отношения “центр — периферия”, “прерывность (дискретность) — непрерывность (континуальность, диффузность)”, частичные пересечения системных объектов» (*Бондарко* 2007: 37).

Наиболее глубоко и основательно о научной методологии, которой руководствовался В. М. Павлов в своих изысканиях, пишет его дочь Анна Владимировна в своей статье «Мой отец и диалектика». Уже само название статьи говорит о том, что В. М. Павлов опирался в своих изысканиях на материалистический диалектизм, был диалектиком: «Диалектический подход “и — и” при бережном сохранении обеих сторон анализируемого предмета и полном понимании их динамики по отношению друг к другу и к внешнему миру — этот подход был и остается для него таким же само собой разумеющимся, как дыхание» (*Павлова* 2007: 192). В. М. Павлов всегда и неуклонно выступал против формально-логического альтернативного подхода к языковым явлениям: «Статика и абстрагирование ведут к позиции «или — или», которую мой отец не любит не из-за формы, а из-за стоящего за этой формой содержания. Иначе он не был бы диалектиком» (там же 2007: 203).

Системно-полевой подход или функционально-полевой подход, которого придерживался В. М. Павлов, «порожден пограничными, периферийными явлениями, осознанными лингвистами как таковые» (там же: 197). «В. М. Павлов всей своей научной деятельностью старался убедить собратьев-лингвистов не помещать переходные явления (Grauzonen) ни на какую полочку вовсе и при этом их бояться, а признать функционально-грамматический подход к изучению языковых явлений, во-первых (функция, а не форма, определяет категорию и классификацию, а не наоборот), и использовать полевой подход как всеобщий лингвистический метод, во-вторых» (там же: 199).

«Полевой подход к языковым явлениям позволяет рассматривать их в их непрерывности и в их динамическом расположении от ядра поля к центру, вокруг ядра и далее к периферии. Как раз на периферии располагаются самые любопытные языковые явления переходно-противоречивой природы. Именно на такие явления направлено в первую очередь внимание Павлова, так как эти явления самой сутью подтверждают правильность полевого подхода и диалектического метода. Фактически его работы вскрывают привлекательность сложных комплексных явлений переходного плана и приглашают их не только не опасаться, но отнестись к ним с особым, бережным вниманием, потому что они-то и являются наиболее интересным предметом для изучения» (там же: 200)

У моего Учителя прекрасная семья. Хорошая, отзывчивая и всегда милая Людмила Александровна, которая не отпускала меня — аспиранта (после порой тяжелой и затяжной консультации с В. М. Павловым), не накормив вкусным обедом. Старшая дочь Татьяна — с павловским характером, такая же целеустремленная и бескомпромиссная и одновременно душевная и отзывчивая, готовая всегда прийти на помощь, заведует кафедрой иностранных языков в Академии художеств в Санкт-Петербурге. Она — кандидат филологических наук, преподает английский язык. Анна, младшая дочь, также кандидат, проживает в Германии, характером больше похожа на мать, такая же хорошая и обаятельная, преподает в университете города Майнца перевод, стилистику и общее языкознание, а в

О ВЛАДИМИРЕ МИХАЙЛОВИЧЕ ПАВЛОВЕ

последнее время все серьезнее занимается лингвистической наукой. Внучка Павлова Кира (дочь Татьяны) — врач нейро-радиолог работает в университетской клинике в Мангейме. Внук Дмитрий (сын Анны) — биолог работает в Вене (Австрия), занимается исследованием функций мозга.

Вся семья, близкие друзья и преданные ученики могут гордиться В. М. Павловым и как Ученым, и как Человеком. Говорят, что душа человека живет так долго, сколько его будут помнить. Значит, В. М. Павлов будет жить очень долго, потому что он будет вечно пребывать в сердцах своих родных, близких друзей, учеников. Труды же В. М. Павлова будут изучаться и развиваться еще многие и многие годы, тем самым продлевая память о великом Учителе и Мастере.

Р. С. Получил e-mail от профессора В. Д. Калиущенко из Донецка (Украина): «Дорогой Бахадыр, вечная память Владимиру Михайловичу, выдающемуся Учителю и замечательному Человеку, который помогал всегда и всем, в том числе и мне».

Литература

Бондарко А. В. О взаимосвязях компонентов аспектуально-темпорального комплекса // Общее и германское языкознание. К пятидесятилетию научной деятельности профессора Владимира Михайловича Павлова / Отв. ред. Н. Л. Сухачев. СПб.: Нестор-История, 2007. С.37–49 (Труды ИЛИ РАН. Т III. Часть I).

Берков В. П. О В. М. Павлове — моем друге // В. М. Павлов. Биобиблиографический очерк / Сост. Н. Л. Сухачев; Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: «Наука», 2005. С. 9–14.

Казанский Н. Н., Крючкова Е. Р. Среднеиндийский композит в древнегреческом переводе: к семантике широкой образованности и многого знания // Общее и германское языкознание... СПб., 2007. С.118–126.

Павлов В. М. Письма к Б. Х. Ризаеву (1997 — 2011гг.) — Хранятся в личном архиве адресата.

Павлова А. В. Мой отец и диалектика // Труды Института лингвистических исследований. Т III. часть I. Общее и германское языкознание... СПб, 2007. С.192–204.

Сухачев Н. Л. О Владимире Михайловиче Павлове // Общее и германское языкознание... СПб., 2007. С. 9–13.

В. П. Берков

О В. М. ПАВЛОВЕ — МОЕМ ДРУГЕ¹

Очевидно, что статьи в сборнике, посвященном чьему-либо юбилею, можно типологически разделить как минимум на четыре жанра:

1) Научная статья. Тема такой статьи желательно должна иметь отношение к области исследований юбиляра, но часто такого отношения не имеет. Во введении к такой статье нередко указывается (правда не всегда достаточно убедительно), что юбиляр внес значительный вклад в изучение данной области и даже высказал ряд идей, имеющих для нее принципиальное значение.

2) Освещение жизненного пути юбиляра, развернутая его биография.

3) Анализ научной продукции юбиляра.

4) Статья о юбиляре как о человеке.

Все эти жанры оправданы. Автору этих строк представилось целесообразным написать заметку в четвертом из перечисленных. Этот выбор основан на следующих соображениях.

Автор этой заметки в последнее время занимался тематикой, в общем, далекой от основных интересов Владимира Михайловича. Конечно, будучи человеком добросовестным и вежливым, он несомненно прочитал бы и такую статью, далекую от сферы

---

¹ Впервые опубликовано в 2005 г. Редколлегия сборника признательна Анне Валерьевне Берковой, с разрешения которой статья воспроизводится в настоящем сборнике.

его занятий (и, бесспорно, сделал бы ряд действительно умных замечаний), но вынуждать его читать статью, скажем, о проблемах нормирования норвежского языка на современном этапе едва ли гуманно.

К сожалению, несмотря на многолетнюю дружбу — мы подружились в конце 1960-х годов, когда поселились на Большой Охте в одном кооперативном доме и даже на одной лестнице, — я не настолько детально знаком с его биографией, чтобы взять на себя смелость подробно и, главное, точно описать ее. Не могу я взять на себя и обзор научного творчества В. М. Его продукция столь обширна и многогранна, что я не чувствую себя достаточно квалифицированным для ее полного освещения. Да и есть люди, которые сделают это гораздо лучше меня.

Зато за долгие годы дружбы я, смею думать, хорошо узнал В. М. как прекрасного человека и замечательного ученого. Об этом и хочется написать.

Всегда соблазнительно попытаться дать человеку краткую и вместе с тем достаточно емкую характеристику, которая отражала бы основные его черты, хотя понятно, что дело это трудное, а порою и просто невозможное. Тем не менее попытаюсь — в меру моих сил — сделать это.

Покойный М. И. Стеблин-Каменский, выдающийся ученый и человек острого и парадоксального ума, как-то, еще, кажется, в хрущевские времена, мудро сказал: «Вот нам часто приходится писать и читать длинные характеристики вроде “поступил..., проработал..., проявил себя..., чуткий и отзывчивый товарищ..., политически грамотен..., морально устойчив..., и т. д. и т. п.”». А ведь в сущности вполне достаточна трехступенчатая шкала: «1) Хороший человек; 2) Так себе человек; 3) Дрянный человек».

По этой правдивой шкале В. М. можно охарактеризовать просто и коротко: **ОЧЕНЬ ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК.**

Такая оценка складывается из многих составляющих. Вряд ли мне удастся отразить все стороны этого замечательного человека. На первое место следует, на мой взгляд, поставить глубочайшую порядочность В. М. — и как человека, и как ученого.

Как-то В. М. сказал мне, когда его учителя и старшего коллегу В. Г. Адмони вынудили прекратить преподавание в

Герценовском институте (теперь университете), что он, В. М., оставил бы его только для того, чтобы тот время от времени ходил по коридорам института, просто создавая своей личностью атмосферу добра, справедливости и честности. Эти слова полностью приложимы к самому В. М.

Порядочность ученого и человека проявляется, как известно, в том числе, в его отношении к своим учителям. Трудно подсчитать, сколько труда положил В. М., издавая сочинения В. Г. Адмони, в частности, на немецком языке. К своим учителям В. М. неизменно относился с пиететом и чувством глубокой благодарности.

В. М. на редкость благожелательный человек, оказывающий помощь всем, кто обращается к нему. Помощь эта всегда конструктивна. Не случайно, что у него очень много учеников, особенно бывших его аспирантов — не только в России, но и в бывших республиках Советского Союза.

Для работ В. М. характерна глубина, основательность и доказательность. У него есть любимое слово (возможно, придуманное им самим) — *протанцевать*. Этот ироничный и не вполне безобидный глагол он употребляет в случаях, когда какое-либо положение у критикуемого им автора не доказывается серьезно и основательно, а либо выдается за самоочевидное и потому не требующее строгого обоснования, либо вообще замалчивается, хотя на нем — этом положении — могут строиться дальнейшие рассуждения.

Сам В. М. всегда бескомпромиссно строг к себе. Упомянутой выше *протанцовки* в его работах не найти. Работы В. М. отличаются безупречной логикой. Строгая логичность характерна и для его работ, и в обыденной жизни — в житейских разговорах, в решении обычных прозаических проблем.

Естественно, существуют различные типы лингвистов. Для лингвистов высшего класса характерны как минимум три черты.

Первая черта — это глубокий профессионализм в своей специальной области. Для коллег-лингвистов В. М. прежде всего, конечно, германист, причем германист очень широкого профиля. Вполне закономерно, что множество его работ — книг и статей — по немецкому языку издаются по-немецки. А работы его по становлению сложных существительных и синтаксическому основосложению в немецком давно стали классическими.

Вторая черта настоящего лингвиста — интерес к общетеоретическим проблемам языкознания. В. М. превосходно литературу по философским проблемам лингвистики и следит за ней. Его давно и серьезно занимают такие вопросы как сущность языкового знака, материальность существования языка и аналогичные им. Все его работы в этой области — не только результат длительных размышлений на названные темы, но и основаны на капитальном знании огромной специальной литературы, в том числе и сугубо философской. И, конечно, в этом контексте нельзя не упомянуть его вклад в отечественную, и не только отечественную, психолингвистику.

Есть языковеды, для которых исследуемый фактический материал — лишь небольшая площадка для широких теоретических построений, нередко отличающихся от уже давно известного лишь новой терминологией. Есть, напротив, языковеды, досконально описывающие фактический материал и этим описанием ограничивающиеся. Для В. М. характерно органическое сочетание детального исследования языковых фактов и оригинальных общетеоретических выводов.

И, наконец, третья черта. Истинный лингвист, с каким бы языком или с какими бы языками он бы ни работал, непременно живо интересуется и своим родным языком. У В. М. есть превосходная работа по русской безличности.

Серьезный и тонкий исследователь, В. М. никогда не чурался черновой работы. Так, прослеживая становление сложных существительных в немецком, он выписал многие тысячи найденных им самим примеров из преимущественно ранненововерхне-немецкой литературы. Выписывались эти примеры методом сплошной выборки. И это в то время, когда еще в филологических исследованиях не применялись ЭВМ, то есть все это делалось от руки. Феноменальное трудолюбие — одна из отличительных черт исследователя В. М. Павлова.

Порой В. М. упрекают в том, что он пишет сложно. В этом упреке есть известная доля справедливости. (Когда мы с ним в свое время написали вдвоем статью, при ее чтении моя часть показалась мне по характеру изложения чем-то вроде «Мойдодыра», тогда как его часть напоминала гегелевскую «Феноменологию духа».) Сложность павловского научного стиля, разумеется, не умышленна, не нарочита. Естественно, она не объясняется и воздействием на него достаточно непростого